

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Эволюция русской повести в XVII веке

I

Изучая, в связи со своими занятиями в Комиссии по древне-русской литературе Академии Наук СССР, историю оригинальной (непереводной) русской повести XVII века, как круг литературных явлений этого времени, недостаточно еще до сих пор освещенный исследователями, я остановился на ряде повестей, до сих пор почти не привлекавшихся к исследованию. Это дало возможность не только ввести в научный обиход несколько новых фактов, но также сделать несколько наблюдений более общего характера над эволюцией повести этого времени, наметить несколько черт этой эволюции повествовательного жанра в XVII в., не лишенных, думается, интереса для уяснения отдельных черт в истории русской повести и в следующем столетии, а в иных случаях даже и в XIX в., по крайней мере в его начале.

Чтобы несколько ближе подойти к этой эволюции, охарактеризовать ее фактами, извлекаемыми из самих повестей половины XVII в., я останавливаюсь на первый раз на двух, почти неизвестных до сих пор исследователям повестях на темы якобы из византийской истории, предпослав несколько замечаний общего характера, которые помогут определить место этих повестей в ряду других того же времени, к которому я нахожу возможным отнести заинтересовавшие меня повести.

В половине XVII в. во всей московской литературе наметился, как известно, настолько отчетливо сдвиг в сторону Запада, что историки русской литературы, например, Н. С. Тихонравов, В. М. Истрин, П. Н. Сакулин и др., находят возможным — и не без основания — говорить об этом времени, как о начале нового периода в истории русской литературы, тесно связывая литературу этого времени уже с литературой первой половины XVIII в., когда характер этого нового периода ее окончательно определился. При этом исследователи имеют в виду главным образом ту часть

русской литературы XVII в., которую можно назвать передовой, бывшей уделом преимущественно верхних классов русского общества, как преимущественных носителей этой передовой по направлению литературы. В то же время, как и в других отношениях, в русском обществе и его литературе яснее прежнего обнаруживается классовая или, по крайней мере, групповая дифференциация или расслоение, в котором мы имеем возможность уже более определенно выделить не только высший слой, но и другие. В числе этих групп намечается группа средних и низших классов грамотных людей, интересующихся и культивирующих литературу; к ней относились низшее духовенство, может быть, монашество, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство. Сдвиг по направлению к Западу в этой среде выражается не одинаково и не в одинаковой степени; они в различной степени идут навстречу новому направлению, различно к нему относятся, начиная с горячих сторонников новизны и кончая старообрядством. Вот в этой-то среде, как мне представляется, можно наметить, в свою очередь, одну меньшую группу, которая, тесно связанная в своих литературных интересах с предшествующим временем (как впрочем и вся литература половины XVII в.), но не примыкающая открыто к новизне, в то же время реагирующая на оживление литературного движения половины века, создает в области поветствовательного жанра нечто своеобразное, совершает в своем кругу также сдвиг, но по характеру иной, нежели простое обращение к Западу, и вносит таким образом несколько черт для характеристики литературы средних и низших классов и в XVII столетии, давая возможность понять в ней те черты, которые до сих пор оставались не достаточно ясными. Эта группа, под влиянием общего перелома, вызванного западным течением в жизни и литературе, вырабатывает свое отношение к материалу, представляемому литературой старшего периода, в то же время лишь слабо отражая новое направление, но зато, черпая свои особенности из иных источников; вместе с тем она вырабатывает или, по крайней мере, пытается выработать — свои формы, свою стилистику, отличные от остальных. Это-то свое, мне кажется и можно в некоторой степени определить на основании анализа нескольких повестей половины XVII в., а в том числе и на основании ознакомления с теми двумя малоизвестными повестями, о которых мною и предлагается ниже несколько замечаний и сопоставлений с другими повестями приблизительно того же времени.

Среди рукописей собрания В. М. Ундольского (в Гос. Публ. библ. им. Ленина в Москве) есть две небольших мало известных повести (№№ 942 и 943 в 4-ку, на 7—8 листках каждая), обе одной рукой, скорописью се-

редины или второй половины XVII в.¹, о византийском царе Михаиле III (842—867), сыне Феофила и Феодоры. Повести эти в рукописи Ундольского носят одинаковое заглавие: «Слово о благочестивом царе Михаиле», сходны по начальным словам, но различны по содержанию. Греческого или какого-либо иного оригинала этих повестей не известно, и, как видно будет из дальнейшего, его и искать нет надобности, так как повести эти следует считать произведениями русского книжника, вероятнее всего середины XVII в., пользовавшегося отчасти греческими источниками, но не в подлинниках, а в существовавших уже до него славянских или славяно-русских текстах.

Первая из интересующих нас повестей (№ 942) рассказывает несколько эпизодов из жизни царя Михаила III, говорит об убийении его Василием Македонянином и заканчивается рассказом о воцарении Василия. О беспутном характере Михаила, о восстановлении при нем иконопочитания (о чем обычно говорит большинство греческих хроник) нет в Повести ни слова: характер Михаила определяется заглавием² и начальными ее словами «Бысть во Цареграде царь Михаил благочестив и славен зело во всех странах»;³ согласно с этим Повесть обходит все отрицательные черты личности Михаила, говорящие о его неприличном для царя увлечении конским спортом,⁴ попойками, о его самодурстве (о чем с теми или иными подробностями сообщают греческие хроники, а за ними и русские хронографы); и самая смерть Михаила объясняется не этими его «качествами», а скорее просто случайностью — обидой, нанесенной им честолюбивому Василию, и только косвенно указывается повод к этой обиде.

¹ Две тетрадки из расплетенного Ундольским большого сборника К. Истомина (см. ниже). Называя эти повести «малоизвестными» (а не неизвестными), я имею в виду доклад о них, сделанный 21 янв. 1894 г. в Обществе люб. др. письм. И. Н. Ждановым (см. Отчеты о заседаниях ОДЦ в 1893-94 гг., стр. 11; ср. Виз. Врем. II, 1894, стр. 308—309). Доклад И. Н. Жданова остался не напечатанным; поэтому более обстоятельное содержание доклада остается нам не известным; судя же по изложению доклада в отчетах Общества, можно заключить, что со Ждановым я расхожусь в определении времени создания указанных повестей (И. Н. относил их к XVI в.) и в объяснении имени Левтасара (во второй повести): он находил возможным солижать это имя также с именем Льва Хазара. Об обеих этих повестях есть глухое упоминание в Летописях русск. литерат. и дрвн. (т. II, 1859, 100, прим.) при издании повести об Еруслане. Об издании второй из повестей см. ниже. Во всяком случае, обе повести, особенно первая из них, остаются до сих пор не исследованными в научной истории русской литературы.

² «Слово о благочестивом царе Михаиле».

³ И в самой Повести ему придется тот же эпитет «благочестивого» в обращении к нему бояр.

⁴ Но характер его как любителя коней остался, почему эпизод с диким конем и сохранен повестью.

В самой сцене убийства Михаила есть, как будто, попытка указать еще положительную черту его облика: когда Василий ударом меча отсекает обе руки сонному Михаилу, последний проснувшись воскликнул: «Василий, судит тебя бог со мною, что ты мне за добро злом воздал!» Таким образом под пером автора Повести образ Михаила получился совершенно иной, нежели Михаила, исторического царя Византии: это — не Михаил, получивший за свое поведение прозвание «Пьяницы», а скорее, действительно, благочестивый царь Михаил, хотя его благочестие и проявляется очень не ярко.¹ Тем не менее надо сказать, что составитель Повести имел в виду, составляя свое произведение, именно исторического Михаила III, императора IX в.; но к созданию этого образа и к освещению событий из его жизни он отнесся совершенно самостоятельно: канву для своего рассказа он взял из рассказов византийских хроник о Михаиле III, но обработал ее по своему, взявши только несколько эпизодов из ряда входящих в историческую биографию Михаила и отчасти Василия, придав им анекдотическо-фабулезный характер; заимствуя из этих источников (или источника) не только канву, но и отдельные мотивы и ситуации, он совершенно свободно переносит их на новые места, перефразирует, сохраняя только общую мысль, почему и заимствование получает у него иной смысл, иное приурочение сравнительно с источником. Вместе с тем составитель сумел придать своему рассказу не только стройность, но и живость и законченность.

Чтобы убедиться в таком именно характере обработки составителем его источника, достаточно сравнить его Повесть с тем рассказом о Михаиле, который — в общем однородный в силу связи между собою самих источников — дают византийские хроники, часть коих могла быть доступна составителю Повести или в переводе подлинного текста, или в одной из русских компиляций, построенных на этих хрониках. Вместе с тем мы получим таким образом возможность ближе подойти и к источнику, который был в основе русской Повести.

Вот в сжатом виде содержание нашей Повести. В Царьграде был благочестивый царь Михаил. У него родился конь такой дикий и особенный (чуден и грозен), что никто не мог с ним справиться, и содержали его в железной конюшне и бросали ему осужденных. Царь кликнул ключ по всему Цареграду, вызывая искусного человека, который бы взялся объездить

¹ Впрочем, Михаил III называется «благочестивым» и в Степенной книге при рассказе о восстановлении иконопочитания и об иконе Богородицы Римляныни, оба раза рядом с именем Феодоры (ПРЛС, XXI, 34,435), очевидно по связи с этими рассказами.

этого коня. «Извоз(д)ник» (возница) из Македонской (рук. Московской) области Василий берется укротить коня, за что царь обещает ему сан «второго» царя, половину Царьграда и часть бояр, князей и вельмож. Василий идет к конюшне, кулаком сбивает замки, хватается коня за ухо, после чего конь становится кротким и тихим, взнуздывает его, садится на него и три раза объезжает вокруг Царьграда, после чего передает коня царю. Царь исполняет свое обещание. «Тогда извозник, — говорит Повесть, — воцарился и бысть грозен вельми»; его превозносят в Царьграде больше, чем Михаила. Михаил приглашает Василия к себе кушать. Когда Василий приходит, Михаил не встает для приветствия своего «посаженика», а велит ему снять с него и опять обуть башмак. Оскорбленный этим Василий сопротивляется, Михаил грозит казнью, после чего Василий исполняет приказание. Затаив злобу, он уходит от обеда, собирает своих бояр, велит им вооружиться и притти ночью к палатам Михаила. По наступлении ночи, когда Михаил ушел опочивать, Василий проникает со своими боярами в спальню царя, убив предварительно пятьсот стрельцов на царском дворе и больше того в сенях, хватается меч, ударяет царя и отсекает ему обе руки. Но наруганный укоризнами проснувшегося царя, бежит из палаты, однако по настоянию своих сторонников возвращается и добивает царя, приказывает его похоронить по царски. Утром собирает народ, объявляет о кончине Михаила и спрашивает, кому народ желает поручить оставшуюся после Михаила половину Царьграда? Разумеется, присуждают Василию. Так извозник Василий стал владеть много лет Царьградом, заканчивает Повесть.

Как не трудно заметить из приведенного изложения, внимание составителя Повести остановилось главным образом на трех моментах биографии Михаила: эпизоде с диким конем, ссоре с Василием и смерти царя: настоящим же героем рассказа является, скорее, не он, а Василий. Эти эпизоды автор нашел в своем источнике — византийской хронике. Из таких хроник в славянских переводах ему могли быть доступны: Амартол, Зонара, Манассия и русский Хронограф (в редакции так наз. 1512 г.), построенный, как известно, на основании этих хроник: в них он мог найти наиболее обстоятельное изложение жизни Михаила и Василия. Какой или какими из этих компиляций воспользовался автор Повести,¹

¹ Можно сказать, что Хроникой Манассии, дающей своеобразное изложение, недостаточное для объяснения содержания нашей Повести, он не пользовался. То же следует заметить и относительно Никоновской летописи и Степенной книги, стоящих в зависимости от Хронографов. Ср. А. Н. Попов, Обзор Хронографов, 1, 163 и сл. Популярную в XVII —

с уверенностью сказать трудно, но весьма вероятно предположение, что главным источником автора Повести была хроника Георгия Амартола, или компиляция, тесно с нею связанная. Это предположение может быть подтверждено такими сопоставлениями между собою хроник и Хронографа в редакции 1512 г., с одной стороны, и нашей Повести, с другой:

И. Эпизод с укрощением коня. В хронике Зонары и Хронографе он читается так:

Зонара

Прилучи бо се въ то време, и приведеше цару коня вельми добра даровьна; имѣяше же вину едину неключиму и не можаше всѣсты никтоже . . . нь всѣхъ низлагаше грѣдостью своею; и скръбляше царь о семь и гнѣвашесе . . . Сущу же Теофильцу тогда ту, рече къ царю: есть у мене такови, якова трѣбуеть царство ти, и аще повелиши, приведу его. И абие повелѣ царь, и прииде Василіе, и поемь копя за узду и погладивъ и съ кротостію скочивъ, краснѣ всѣдъ нань и потомъ пусти его потѣщи, елико хочеть (Starine, XIV, 141 = рук. Ундольск. 1191, л. 310).

Хронограф

В то же время цареву Михаилу Кесарійскій стратиг конь приведе добль и яръ, и никтоже може удръжати его, еже поглядати ему на зубы, колико лѣтъ имать. И о сем царь печалень бѣ. И возвѣстиша ему о Василіи, онъ же призвав его и повелѣ коня взяти. Василіе же единою рукою вземъ и показа кротчайши овчати. (ПСРЛ, XXII, 343 внизу).

Чтение Хронографа — сокращение следующего места из перевода Амартола: «Кесарійскіи (Ув. Ч.) же стратигъ по сих конь цареву приведе Михаилу добля и яровидима . . . нравом же видѣти хотя царь, каковъ есть, и в зубы гладати, от нихже увѣдати, коликолѣтенъ есть. коневе же дръзающу и премагающу, печаловашесе царь, яко не имѣа мужа силу конскую премоци. ту иде ж Теофиличъ онъ, сѣи комисъ саномъ граду и нумером, рече к цареву: есть у мене, царю, мужъ нѣкыи добль, силень и хытръ конемъ томимом быти, имя ему Василіе. Цареву же повелѣвшу

XVIII в. Хронику Дорифея Монеивасійского оставляю в стороне: переведенная в 1655 — 1665 гг. она не могла быть использована Повестью, сохранившейся в списке половины XVII в.

вборзѣ ему приити . . . царь же повелѣ коня ази. Тѣи же единою рукою узду вземъ, а другою же за ухо емь, овчате кротчеише и коня показа». (В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола, 1, Пгр., 1920, стр. 505).

В нашей Повести передано это так: «родился у него (Михаила) конь вельми чуденъ и грозенъ, и никто на него не смѣяша сесть, царь на немъ не ѣздиша . . . и повелѣ царь Михаил во Цареграде клич кликать, хто б царевъ конь укратил, чтоб мог ѣздить Михаилъ на чудном и грозномъ конѣ. И разошлася вѣсгь по вѣсгь градомъ . . .» Василий беретса укротить коня, (см. выше) «и вниде Василий в конюшню и ухватил коня одинава прозаромъ за ухо, и бысть конь кроток и смирен» (Унд. 942, л. 3). Подробность о способе укрощения коня сближает нашу Повесть именно с Амартолом: она отсутствует у Зонары и в Хронографе, хотя этот последний заимствовал этот эпизод из Амартола.

II. Ссора Михаила с Василием:

Зонара

Слыша Василикина (Михаил), како хвалить его и от радости сънѣтъ сапогы свое царскіе и дааше сему обутисе и цара его поставляше. Василикинъ же говѣе, възращесе възираше на Василиа Македона и не смѣаше приети сапогы оны; царь же Михаил гнѣвашеся о сѣхъ, и видѣ сего Василие гнѣвающасе, помаавъ Василикину възети сапогы оны, и приеть сих, обусе. Обративъ же се царь къ Василиу гневаесе рече: вѣщшее достоит Василикину царь быти, нежели тебѣ; или не имамъ азъ область въ дому своемъ? да якоже сътворишь тебе царя, сътворю и другаго (Starine, XIV, 142 = Унд. 1191, л. 311—311 об.).

Хронограф

И дѣкогда четверицу добрѣ управивъ и отъ нѣкоего именемъ Василиска похваленъ бывъ, почте похваливаго не каменіемъ, ни бисеромъ, но царскою выотою одаривъ его, восхотѣ царство от Василиа взяти и тому даровати (ПСРЛ, XXII, 349—350).

Приведенное место Хронографа заимствовано из перевода хроники Манассии¹. У Амартола читаем (начало цитаты испорчено): патрикии Васи-

¹ См. Jo. Bogdan. Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobulgara, făcută pe la 1850 (Bucur. 1922), стр. 176.

лискианъ царь ѣздаше яко с хытростию на колесницѣхъ снузѣи. царь же повелѣ въставшу ему изути его из царьскихъ сапогъ и самому са обуви. сему жъ въсклоншуся и на Василиа взирающе, с яростию царь повелѣваше се створити. Василию же поманувшу ему, обуса в черленя сапогы, глагола же царь с клатвою к Василию: паче тебе и лучее сапоги си сут подобни. ли не имам власти, иже тебе створих царемъ, иного створити?» (Истрин, ук. изд., стр. 516). В Повести эпизод этот переименован, в него вложен иной смысл и приурочен он к Василию целиком: «царь же Василей поиде ко царю Михаилу . . . царь же Михаил не воста с места своего противу царя Василиа, посаженника своего, и повелѣлъ царю Василию с ноги башмакъ сняти и опять на ногу свою возложить. Царь же Василей рече: не подобает царю царя розувать и обувать, царь царю по достоянию честь воздает. Царь же Михаил рече: аще не снимеши башмакъ и опять не возложишь, велю тебя казнить. Царь же Василей не могъ ничемъ отвятца и сотворил ухищрение — снял башмакъ с ноги и опять положил» (Унд. 942, л. 4 об. — 5). Несмотря на самостоятельность в построении эпизода и сходство между Амартолом и Зонарой в его изложении, можно думать, что автор Повести имел перед собою (либо в памяти) текст именно Амартола, а не Зонары, на что указывают подчеркнутые в цитате слова: они восходят к сказанному именно у Амартола, но в ином месте и в иной связи: кесарь Варда оскорблен непочтением паракинумена Дамиана, не вставшего с места, когда Варда входил в палату, на что он и приносит жалобу царю Михаилу, который за это и приказывает заточить Дамиана в монастырь (см. у Истрина, ук. изд., стр. 511 к концу). Здесь, как это не редко у автора Повести, то, что относилось в подлиннике к Варде, отнесено на долю Василиа; ни у Зонары, ни в Хронографе подобной заметки о Варде не встречается.

III. Убиение царя Михаила:

Зонара

Пришьдъ (Василий) поеть съ собою злосѣвѣтницы оны, съ нимиже клѣтовънь бѣ, и пришьдъ съ ними, въсхотѣ вниити въ чрьтогъ, клѣврѣти же възбраняху сему, и сице борещимсе мѣжду собою, быше глаголи и мльва, и убудисе царь.

Амартол

Василии напрасно къ дверемъ прииде, инѣхъ с собою вода, двери отверзе. Игнатии же съ трепетомъ ишед, Василееви вниити възбранаше. Българин же и Петр, под пазухою Василеевою пришед, къ ложу цареву устремиса, егож Игнатиемъ бораса с ним царя

и абие единый другъ Василиевъ вышьдъ извлече мьчъ усѣкнути Михаила; Михайль же прострь руцѣ свои възбраняесе, и отсѣче убиѣца онъ обѣ руцѣ Михайловѣ и изыде внь къ другому своим. Михайль же не възможе бѣжати, омраченъ бо бѣ пиянствомъ и падѣ ницъ плачесе. И вышьдъ единый другъ от Василиевѣх, обрѣте Михаила еще жива и вьзи мьчъ въ прьси его (Starine, XIV, 142—3).

убуди. Халдѣанин же Іоаннъ, вборзѣ мечемъ ударивъ, обѣ руцѣ отга . . . Симъ жъ вкушѣ шедшимса съвѣтъ дѣаху о створшимъ, Асулеон же къ Василию рече, яко аще и руцѣ Михаилу усѣкнухом, но жива его оставихомъ, и възвративса обрѣте Михаила на ложи лежаща, и усѣкнувѣ ему руцѣ и ничесому же достоинъ плакася и без милости невѣрное домышленіе Василиево въздыхая. Асулеон же, немилостиво имѣа срьдце, нагъ мечъ в перси Михаилу всунувъ . . . (Истрин, ук. изд., стр. 517—518).

В Хронографѣ (ПСРЛ XXII, 350) — сжатое и не совсем удачное изложение по Амартолу. В Повести же все убиеие совершает Василий один, и изложено оно своеобразно (см. выше), но, несмотря на это, в изложении этом можно уловить, хотя и слабую, связь именно с Амартолом: а) речь Асулеона (отсутствующая у Зонары) нашла себе отражение и полное по смыслу выражение в словах «изменников Михайловых» Повести, и б) упрек Михаила Василию есть развитие и облечение в форму прямой речи сжатого «воздыхания» по поводу вероломства Василия. Такой процесс переработки вполне в духе манеры автора Повести.

IV. Образ Василия как силача:

В Повести прямо не сказано о выдающейся физической силе Василия, но это, ясно, входило в представление о нем составителя, когда он сообщает об укрощении коня: явившийся к царю Василий «извозник поклонився царю и поиде к железной конюшне, гдѣ конь стоитъ, и ударивъ кулакомъ по замком, замки всѣ с пробоевъ долой спадоша» (Унд. 942, л. 3). У Зонары в характеристике Василия — только: «видѣвъ же сего (Василия) Теофильць и добра и храбра, приеть сего с радостію» (Starine, XIV, 140 внизу), и об его физической силе не упоминается, тогда как такое указание у Амартола находим: «мужъ нѣкьи добль, силенъ и хытръ» (Истрин, ук. изд., стр. 505, слова Феофилицы). Весьма возможно, что автор Повести, по своей манере, воспользовался этим намеком, чтобы дать картинку,

приведенную выше.¹ В Хронографе — то же, что у Амартола, с распространением по Манассии: «Бѣ же Василій добръ, хѣбръ, крѣпкорукъ, твердоперсъ, крѣщѣ и мыщца имѣа» (ПСРЛ, XXII, 343). Уже из приведенных только что сопоставлений можно судить об отношении составителя Повести к своему источнику: оно — самое свободное; он заимствует общую мысль поправившегося ему мотива или эпизода, но пользуется им, не стесняясь даже отношениями этого эпизода или мотива к другим в его источнике, как это имеет место в значительной степени в старой литературе при заимствованиях; видимо, над автором Повести уже не тяготеет традиционное уважение к букве, традиционная боязнь отступить от написанного в книге; его собственное творчество в его глазах имеет, по видимому, уже право на выражение, не считаясь с авторитетом писания; поэтому у него нет уже стремления говорить словами его источника: взявши мысль или образ из своего источника, автор Повести излагает их своими словами, почему на его рассказе и отражается его личность и индивидуальность. Это свободное отношение к образцу и источнику, характерное для повествовательно-описательного жанра уже XVIII в.,² видимо, своими началами восходит еще к XVII в. и даже, быть может, к первой его половине. И дальнейшее наблюдение над композицией нашей Повести не только подтверждает сделанное, но и дает возможность его расширить.

Имея перед собою в источнике рассказ, сложный по деталям и количеству действующих лиц, притом в большинстве случаев с чуждыми ему именами, составитель Повести очень умело выделил из них самое существенное, относящееся непосредственно к Михаилу и Василию, опустив сложные детали дворцовых интриг, вставные эпизоды (напр., о нападении Руссов, знаменья небесные и т. п.), всю историю Варды и Феодоры, что заставило его выпустить и имена лиц, фигурирующих в этих эпизодах и мелочах, и таким образом сосредоточить внимание читателя на его главных героях — Василии и Михаиле: их имена только и встречаются в Повести. Кроме того, и самый рассказ о них, как видим, он значительно упростил, но при этом, однако, он использовал кое-что и из опущенного им, употребив кое-какие детали в качестве материала для разработки основной своей темы, стало быть, самостоятельно применив их к своим це-

¹ Тут же, кстати сказать, у Амартола идет речь о железных воротах, за которыми содержится дикий, злой конь: может быть, это замечание Амартола дало толчок составителю Повести к общению о железной конюшне, где стоял конь (Унд. 942, л. 2).

² Ср., напр., два пересказа «Девгениева дѣянія» в текстах Пыпина и Тихонравова Сб. ОРЯС, т. XС).

лям. Но этим обработка темы не ограничилась: для ее развития у него был и другой источник — его наблюдательность, чувство окружающей действительности, придавшие его рассказу реалистические и бытовые черты. Так: чтобы найти подходящего человека для укрощения коня, Михаил повелел «клич кликать» по Царьграду; Василий по дошедшим таким образом до него слухам сам является к царю (а не присылается сообщившим о нем царедворцем) с предложением услуг; чтобы заявить царю о своей готовности, Василий пользуется случаем добраться до царя, когда царь идет к вечерне, ловит его на дороге; после первой неудачной попытки («бояря отбиша его прочь») повторяет ее, когда царь идет к заутрени — и на этот раз удачно. Накануне ссоры оба царя, Михаил и Василий, были у заутрени и на литургии, после чего Михаил приглашает Василия через посла к своему столу («посла весть к царю Василию»). Царь принимает Василия, сидя на престоле, после чего переходит и садится за стол кушать. Царскую спальню охраняют пятьсот «стрельцов» во дворе и еще больше на крыльце и в сенях. Убивши Михаила, Василий приказывает соорудить столп — лобное место, с которого объявляет о смерти Михаила народу («князи, бояря и вси Цареградстии мужи») и спрашивает, кому быть наследником Михаила в его владениях; народ же собирают при помощи звона в «вечный» (вечевой) колокол. Словом, вся обстановка рассказа такова, будто дело происходит в Русской земле и даже в царской Москве XVI—XVII вв.: эта обстановка, видимо, хорошо известна и привычна для составителя Повести.¹ Эти реально-бытовые черты в Повести говорят будто за то, что и сама Повесть сложилась в Москве, во всяком случае в центральной России.

За такое же, русское, происхождение Повести говорят и точки соприкосновения ее в композиции и строении с произведениями не книжной, а усной русской словесности, в частности со сказкой: таково самое начало Повести, напоминающее обычный «зачин» сказки, двукратная попытка Василия с предложением услуг царю, передаваемая при помощи повторения одинаковых выражений (в сказках чаще «повторение» — трижды); совершенно так же, как в сказках, в Повести охотно применяется и более простая формула «повторения»: «князья, бояря и вельможи», эпитеты:

¹ Ср. И. Е. Забелин, Быт русских царей, т. I (изд. 4), главу IV, а также т. II, стр. 360 и сл., также стр. 467. Сцена «избрания» на царство Василия и «вечный» колокол, может быть, восходит к каким-нибудь воспоминаниям о Новгородских порядках или порядках Смутного времени, конечно, хорошо известных и памятных и в Москве. Характерна, быть может, по отношению к происхождению Повести описка писавшего Унд. 942: Василий происходит из «Московские (вм. Македонские) области».

«грозный» конь и др.; подобно сказкам и в Повести можно подметить местами ритмичность речи и стремление к созвучиям-рифмам: «В конюшне стояше — повинных к нему меташе», «много дивися царскому на коне сиденью — и чудного коня течению»; и обещанная Михаилом за укрощение коня награда Василию также напоминает обычную награду за подвиг (кстати сказать, непосильный для обыкновенного человека и у нас, как и в сказках): полцарства, в тех же сказках; близка к сказочной и гиперболою: Василий убивает пятьсот стрельцов во дворе, а того больше в сених и на крыльце. Заключительная фраза Повести также в духе «исхода» сказок: «царь же Василий-извозник всем Цареградом владеа многое время» (ср. что-нибудь в сказках вроде: Так Иван-царевич царем стал и царил до старости . . .). Самый же мотив о том, как человек низкого происхождения (иногда при том считающийся дурнем) достигает высокого положения (чаще всего становится царем) — ходячий международный мотив, широко распространенный в той же русской сказке.¹

В согласии с таким характером Повести оказывается и ее язык в собственном смысле этого термина: он близок по словарю и по формам к произведениям устной словесности и живой речи: славянизмов книжной речи в нем очень немного, да и те почти исключительно ходячие, шаблонные (каковы, напр.: аще, зело, вельми, аористы от глагола «ити» и сложных с ним), и самое их употребление говорит о небольшом навыке в пользовании формами книжной речи: писавший путает окончания единственного и множественного числа.²

Обобщая сказанное о характере нашей Повести, мы можем видеть в ней образчик нарождающейся повести нового типа, отличного от старшего: создателем ее руководит не правоучительная, тем менее религиозная цель, его интересует прежде всего занимательность сюжета, самый рассказ, т. е. перед нами произведение повествовательного характера, новелла, в том чисто литературном смысле, какой повесть приобретает

¹ См. хотя бы у Афанасьева, Русск. нар. сказки, №№ 78, 79, 80, 83 и т. д. Ср. еще, напр., грузинскую сказку (идущую от русской) о том, как Петр В. стал царем из кучеров (Сборн. для описания местностей и племен Кавказа, X, 47; ср. И. Н. Жданова, Былевой эпос, стр. 56—57 прим.).

² Такого рода неумелое употребление старых книжных форм, показывающее ослабление старой традиции церковной письменности в среде грамотных людей, уже иначе смотрящих на писание, подходящих к произведению более с литературной стороны, характерным становится уже в XVIII в., но зачатки этого намечаются таким образом уже в XVII в., когда под влиянием Запада началось «обмирщение» всей литературы, прежде всего чужьей, в частности, наиболее близкой к жизни повествовательной письменности. Таким образом наша Повесть — один из довольно ранних фактов этого порядка.

в последующую эпоху нашей литературы. Отсюда — свободное отношение к традиционным приемам творчества, такое же отношение к источнику и его содержанию. В связи с этим стоит и реализм (преимущественно бытового характера), местный колорит Повести. Взгляд на свое литературное произведение автор готов считать тождественным со взглядом на «мирское» устное произведение, свободно пользуясь изобразительными средствами и техникой устной сказки. Все это позволяет сделать попытку подойти к той социальной среде, где могло сложиться, стать обычным подобное отношение к задачам книжного творчества: цель его — доставить удовольствие, развлечение, цель — эстетическая. Такие литературные вкусы, скорее всего, могли иметь место в среде низших и средних классов русского грамотного общества XVII в., где требования важной, учительно-церковной письменности не оказывали своего влияния в полной мере, как то видим в высших слоях грамотного общества, смотревшего на себя, как на выразителя подлинного, настоящего, правильного направления общественной мысли. Повидимому, повести, подобные нашей, создавались и циркулировали в городской среде низших служилых и торговых и, быть может, даже грамотных крестьянских слоев: в них, при отсутствии тяготения к важной серьезной литературе (а, возможно, и при недостаточном уже знакомстве с этой литературой), в то же время литературные интересы, потребность в их удовлетворении — налицо; с другой стороны, при отсутствии ригористичности, которую можно отметить в литературе высших классов по отношению к «мирской» словесности, в этой среде несомненно следует признать интерес и знакомство с этой «мирской», в частности устной словесностью, почему, напр., в сборниках, врацавшихся и вышедших из этой среды, в XVII в. мы встречаемся с первыми записями произведений этой устной словесности или с близкими их подражаниями, пересказами.¹ Таким образом в мирозерцании и литературных вкусах

¹ Можно сделать попытку и ближе подойти к той среде, в которой врацалась наша и подобные ей повести, присмотревшись к самым рукописям, в которых они встретились, к их составу. Наша Повесть, как было упомянуто, идет из расплетенного на несколько отдельных рукописей большого сборника; до некоторой степени, руководясь палеографическими данными, можно восстановить этот сборник: А. Е. Викторов в своем описании рукописей В. М. Ундольского дает для этого материал, именно, указав, что части этого сборника находятся в том же собрании под №№: 620, 705, 736, 915, 947, 942, 943, 919, 930, 923 (см. стр. 46; № 676, внесенный сюда же, внесен по ошибке). В целом своем виде он, как видно из записи, принадлежал известному Кариону Истомину, писателю второй половины XVII в., священнику и монаху Чудова мон. в Москве: он это собрание «историю» подарил монашенке московского же Вознесенского монастыря Любви Степановой. В состав этого сборника входили разнообразные статьи, бывшие, повидимому, ходовым чтением в половине XVII в.; эта пестрота состава сборника довольно характерна для четвѐй литературы этого переходного

этой среды уже в XVII в. были налицо все те данные, которые делали возможным появление произведений, подобных нашей Повести. Повидимому, и наша Повесть не была в этой среде явлением исключительным и единичным: помимо повести, о которой придется говорить ниже, по стилю, приемам творчества и задачам самых произведений к той же группе следует причислить несколько и ранее уже известных нам повестей и новелл, не укладывающихся в рамки рядовой серьезной повествовательной литературы XVII в., каковы: повести о бражнике, об Аггее, о молодце, коне и сабле, «о молодце и девице», наконец «Богатырское слово» и «Горе-злочастие» — все эти, как и некоторые другие, повести объединяются между собою (при различной, разумеется, степени талантливости и различии форм, в зависимости от источников) тем свободным отношением к книжной традиции, которую мы отметили в нашей Повести, близостью к устной словесности, своим стилем, сближающим их с этой словесностью и живой речью, а также своим более отчетливо выраженным чувством окружающей действительности — реализмом.

В частности, с методологической стороны, наша Повесть представляет тот интерес, что она, как очень несложная по композиции и построенная на вполне определенном, нам известном круге источников, дает

времени: в него вошли писания и старшего направления и нового западного; здесь находим: Сказание о посольстве (подложное, якобы 1570 г.) Ищеина в Царьград, Послание к кесарю Максимилиану (1576 г.), Лаодикийское послание (памятник эпохи жидовствующих), грамматику старого типа (т. н. Ио. Дамаскина), Сказание о знаках зодиака, о Сивиллах, Александрию, с другой стороны — новинки: Космографию и группу для «занятого» чтения, в которой — опять та же двойственность: старая Троянская «притча», Акир Премудрый, с другой — Повесть о семи мудрецах, Бова, Бруслан и среди них обе наши Повести о Михаиле, повесть о Басарге. Характерен этот состав и для владельцев сборника в XVII в.: монах-священник Карион Истомино, один из типичных людей переходного времени, «пестрый» (подробнее о нем см. исследование С. Брайловского, «Один из пестрых», СПб. 1902) и монахиня одного из кремлевских монастырей Любовь Степанова: видимо, сборником подобного состава интересовались люди среднего грамотного класса, уже вкусившие плодов от новых венений в жизни и литературе. Кажется, эти литературные вкусы в этой же среде сохранялись и позднее, как о том можно судить по составу и записям сборника (ОЛДП, СХХХII, 8-ка, нач. XVIII в.), где нашлась еще в одном списке вторая из наших повестей; здесь находим: шутивную форму исповеди, изложенную живым языком, «Возрасты», широко распространенные в лубочной литературе с XVIII в., Акира Премудрого, популярное Сказание о «женской злобе», сказочное житие Петра и Февронии; сборник побывал в руках подьячего Андрея Симмакова, думного дворянина Ивана Семенова, сержанта Лефортовой слободы и др., наконец, крестьянина села Клементьева. Приблизительно о том же говорит и состав сборника Петровского времени № 238 собрания Тихонравова (Гос. Публ. Библ. им. Ленина в Москве), где вторая из наших повестей помещена между весьма распространенным Сказанием о Дмитриии Иоанновиче (в одной из поздних редакций) и чрезвычайно популярной в рукописях XVII и XVIII вв. Повестью о царице и львице (см. Г. П. Георгиевский, Рукописи Тих-ва, М. 1913, стр. 38). Рукопись принадлежала дьякону в г. Ярославле.

возможность шаг за шагом проследить весь процесс ее создания, (как это я и попытался сделать) иначе: определить приемы творчества Повести этого характера в XVII в. и уловить связь повести XVIII в. с одной из предшествующих стадий ее развития.

II

Приблизительно такой же, как и первая, представляет интерес и вторая повесть о Михаиле — в рукоп. Ундольского № 943. В ней намечаются те же приемы творчества, то же отношение к источнику, те же черты литературного стиля и языка, наконец те же проблески реализма. Для изучения этой повести мы располагаем несколько большим материалом, нежели для первой, а именно: помимо старшего ее текста в рукоп. Ундольского, нам доступно еще несколько ее текстов: 1) из собрания б. Тихонравова № 238, в 4-ку, скоропись Петровского времени, лл. 92 об. — 96 об.; здесь она носит заглавие: «Сказаніе о дрѣве златомъ и о залатом¹ попугае і о царѣ Міхаіле да о царѣ Львкасорѣ», и по чтением наиболее близка к Унд. № 943; 2) рукоп. б. Вострякова (в Гос. Ист. Муз.) № 207-ж, в 4°, конца XVIII в., л. 25 об., без заглавия, принадлежит к одной редакции с Тихонравовским, но текст сокращен и с пропуском эпизода о попугае (см. ниже), а Левтасор заменен Львом; 3) рук. ОЛДП СХХХІІ, в 8-ку, нач. XVIII в., лл. 1—8; текст неособенно исправный по письму; он озаглавлен: «Сказаніе о царе Лавтасаре, как во Цареграде царствовалъ и как преставися²»; 4) рукоп. второй половины того же века в собрании Вяземского (ОЛДП) № XVI, в лист, л. 555: текст очень сжатый, озаглавлен: «Глава 10. О царе Валтасаре Вавилонском»;³ 5) рукоп. б. Забелина (Гос. Ист. Муз.) № 604, 4°, нач. XVIII в. с заглавием: «Сказаніе о царѣ Валтасарѣ», и 6) рукоп. Лен. П. Б. Q. I. № 1009 (б. Богданова), 4°, конца XVII в., л. 734 об. — 735, — текст, озаглавленный: «Слово о царѣ Валтасарѣ Вавилонском»; оба текста совпадают с текстом Вяземского. Все тексты восходят к одному оригиналу, но дают, каждый, ряд разночтений и переделок.

Содержание этой повести по старшему ее списку вкратце таково. Благодетельный царь Михаил, много делавший на пользу церквей и монастырей, обладает чудесным золотым деревом: на его ветвях сделаны разнообразныя птицы, которые поют «разными гласы». Посмотреть это

¹ В тексте довольно заметные следы аканья.

² Текст целиком напечатан Х. Лопаревым в *Опис. рук. ОЛДП, ч. III, стр. 141—144.*

³ Описание этого большого сборника (из Сулакадзевских) см. в *Описании рукоп. П. П. Вяземского (изд. ОЛДП, СХІХ, 1902), стр. 35.* Самый текст с частью самого сборника издан факсимиле в числе изданий Общества, № XV (1877).

дерево и послушать этих птиц приходят послы иноземных царей и королей, причем за это подносят Михаилу богатые дары. Попытку этих царей и королей приобрести это золотое дерево за города и «имение много» Михаил отклоняет: этим, де, деревом он и славен и всем обилен. По смерти Михаила воцаряется сын его Лавтасар; он — пьяница, который не только пропивает все имущество отца, но и церковные сосуды, обирает все церкви, монастыри и бояр, и все прокучивает; когда уже больше ничего не оставалось, пропил он и золотое древо, от которого осталась одна только ветвь с сидящим на ней золотым попугаем. Однажды, пируя со своими боярами, царь услышал слова попугая: «Сей ночью царю Лавтасару умереть напрасной смертью!» Взглянув на потолок палаты, царь видит пишущие руки, а лиц не видно; пораженный видением, царь считает это навождением; по совету бояр посылает за пророком Даниилом, который живет в шестидесяти поприщах от Царьграда в монастыре. Даниил разъясняет ему видение и подтверждает предсказание попугая. Разгневанный царь сажает пророка в темницу, а себя окружает стражей, удаляется во внутренние покои, поручив охранять его лично Дарию Мидянину: ему он приказывает никого к нему не пускать, а пронзить копьем всякого, кто будет называться его именем. Под утро царь, выйдя незамеченный Дарием из спальни и проверив стражу, возвращается к себе, но Дарий, несмотря на то, что царь называет себя по имени, согласно его же приказу, пронзает его копьем.

Все остальные тексты Повести в отношении содержания ничего лишнего не дают сравнительно со старейшим, так что содержание ее, представляемое сп. Унд., можно считать установленным. Но в деталях тексты XVIII в., именно, Тихонравовский и ОЛДП, представляют ряд своеобразных чтений, которые представляют частью только обычные для списков этого времени изменения «словесного» (стилистического) характера, подтверждая тем не раз уже отмеченное мною свободное отношение к тексту (см., напр., сказанное о текстах XVIII в. в «Сказаниях об Индейском царстве», Изв. РЯС, III, 375—6), частью же такие чтения, преимущественно мелкие дополнения, которые могут счесться принадлежавшими первоначальному тексту Повести, т. е. указывать, что и старейший список кое в чем уже отступил от этого первоначального текста, преимущественно, идя по пути сокращения текста с помощью пропусков; иначе сказать: и он уже не представляет в чистом виде первоначальный текст (в смысле изложения), и для более полного представления о Повести должны быть привлечены варианты и списков XVIII в., сохранившие иногда более первоначальные чтения. В этом последнем отношении значительную ценность и представляет

список Тихонравова, как сохранивший Повесть во всем ее объеме и старший среди списков XVIII в.

Оставляя в стороне, как не идущие в дело в данном случае, его индивидуальные чтения, приведу несколько примеров лучшего сохранения в нем чтений, нежели в Унд.; эти чтения в большинстве случаев находят себе оправдание и в сп. ОЛДП, поскольку этот последний сохранил самую Повесть. Так: 1) в рассказе о том, как Лавтасар, пропивши все, разломал золотое древо, в Тих. читается в конце фраза, отсутствующая в Унд.: «одна осталася ветвь златаго древа, на золотой ветви залатой попугай»; эта фраза — необходима по смыслу: без нее был бы не обоснован последующий эпизод (о предсказании попугая), который находим и в Унд.; эта же фраза читается в этом месте и в ОЛДП (стр. 142). 2) Более близким к первоначальному в Тих., нежели в Унд., повидимому, следует признать порядок изложения эпизодов о чудесных знамениях во дворце Лавтасара; здесь он таков: услышав слова попугая, Лавтасар, обращаясь к боярам, решает, что в попугая вселился нечистый дух (этого нет в Унд.); увидавши затем на «подволоке» пишущие руки, он же, в речи к боярам, предполагает, что «некие волхвы чары на меня нанесоша» (так и в Унд.), и добавляет: «портить меня хотят» (в Унд. нет, но читается в Тих. и ОЛДП): ожидающийся по смыслу ответ бояр заключает в себе их совет созвать через глашатаев всех во дворец (ответа в Унд. нет, но есть в Тих. и ОЛДП) посмотреть чудо. Несомненно с точки зрения связности рассказа и последовательности изложения Тих. и ОЛДП надо отдать предпочтение. 3) То же следует сказать и о следующем эпизоде — встрече Лавтасара с Даниилом: царь повторяет ему то, что говорил он боярам, и получает более обстоятельный и стройный, нежели в Унд., ответ Даниила. 4) Самый конец рассказа в Унд. представляется уже сокращенным: в ответ на вопрос пришедших утром приветствовать царя бояр: «Дарей, что такое незгодие (в Унд. хуже: чудо) учинися над царем», Дарий обстоятельно в оправдание себя передает наказ царя (его и погубивший), тогда как Унд. сообщено только: «Дарей же Менденинъ все по ряду расказал, как царь приказал». Упоминания об отпуске в монастырь Даниила, по смерти царя, требующегося естественным ходом всего рассказа, в Унд. нет, но он налицо в Тих. и ОЛДП. И некоторые отдельные выражения Тих., по их характеру, кажется, следует предпочесть выражениям Унд., стершего в этих случаях колоритные для стиля выражения; например: в Унд. отпускается такая каргинная деталь, внушенная автору воспоминанием реально-бытовой обстановки, как вручение даров посольством: послы,

кланяются царю, «дары держа — пред ним» (Тих.; повторено два раза при каждом появлении послов); стерто в Унд. также картинное выражение: послы предлагают Михаилу продать древо золотое «на города и на орды и на золото и на серебро», тогда как в Унд. общее выражение: «много городов и имения много».

Список ОЛДП по своему оригиналу близкий к Тих., конечно, имеет то же значение для реконструкции первоначального вида Повести, но только для второй ее части: в нем опущена вся первая половина, рассказывающая о Михаиле и его золотом дереве, так что упоминание об этом дереве в нем является неожиданностью, ничем не обоснованною. Таким образом в ОЛДП мы имеем простое механическое сокращение текста, подобного Тих., почему он и поддерживает чтения Тих. в случаях, указанных выше.

Нечто иное по отношению к Унд., Тих. и ОЛДП, объединяемых общим оригиналом довольно тесно, представляет текст Вяземского и сходные с ним остальные. Здесь рассказ не только «слишком сокращен» (Опис. рукоп. ОЛДП, III, 144), но изменено и самое содержание его значительно: достаточно указать для его характеристики следующее: 1) в самом заглавии он имеет имя Валтасара (а не Лавтасара или Михаила): «О царе Валтасаре Вавилонском»; 2) сообразно с этим действие рассказа происходит в Вавилоне (а не Царьграде); 3) о разгульном образе жизни Валтасара, об ограблении им церквей, бояр и народа ничего не говорится: Валтасар платится жизнью за то, что стал церковные сосуды (потир и блюдо) употреблять для питья и еды, как ему и объясняет прор. Даниил; 4) Даниил живет в пещере в самом Вавилоне (а не в монастыре в 60 или 17 поприщах от Царьграда); 5) предсказание о грозящей смерти дается царю во сне: во сне его ударяет ангел скипетром:¹ поэтому о попугае и «пишущих руках» речи нет вовсе. Таким образом весь рассказ по рукоп. Вяземского есть своеобразное возвращение к известному библейскому эпизоду из книги Даниила (гл. V). Но в то же время отрицать связь этой переделки с интересующей нас Повестью о Лавтасаре нельзя: вся вторая половина рассказа (отсутствующая в библейском эпизоде) по сп. Вяз. построена, несомненно, на нашей повести, хотя также с сокращениями и изменениями: царь, желая предупредить приход смерти, сгавит стражу около всего города и 30 «удальцов» — перед своей палатой, дает стражам тот же наказ, что и в нашей Повести, так же убит исполнявшим этот наказ, но не Дарием Мидянином

¹ Самый сон Валтасара в повести по рук. Вяземского, если не по содержанию, то по идее восходит, вероятно, к тому же библейскому эпизоду — к сну Навуходоносора (Даниила, гл. IV), о котором, сказать кстати, упоминается и в речи Даниила к Валтасару, (там же, гл. V).

(его в Повести текста Вяз. нет), а «бблшим стражем»: этот страж так же заснул-было, но царь будит его, наступив ему на ногу; объяснения стражем происшедшего, прихода бояр, освобождения Даниила, нет. Таким образом перед нами в рукоп. Вяземского — переделка (судя по рукоп. Богданова, не позднее XVII в.) полной Повести, причем переделывавший, заметив сходство Повести с библейским эпизодом о Валтасаре, приспособил к нему свою переделку, заменив, кроме того, попугая и «пишущие» руки более шаблонным вецим сном царя. Небольшое искусство переделывателя сказалось (помимо нескладности всего рассказа) и в речи прор. Даниила, который развивает перед царем идею о святости церковных потира и блюда в евхаристическом смысле.

Как можно было видеть из краткого изложения содержания Повести, она отличается от первой прежде всего тем, что в ней соединены два сюжета: о Михаиле и Лавтасаре; первый сюжет, давший и заголовок всей Повести по списку Унд,¹ восходит по основному источнику к византийским хроникам (разумеется, уже в русских переводах), второй — к известному библейскому (см. книгу прор. Даниила, гл. V) эпизоду о Валтасаре (входящему, кстати сказать, и в византийские хроники). Как явилась у составителя Повести мысль соединить в одном рассказе оба сюжета, объясняется, скорее всего, тем, что оба их он встретил, хотя и в разных местах, в своем источнике, который таким образом и мог ему подсказать такое соединение. Как получилась у него та фантастическая генеалогия византийских царей (царь Михаил, Лавтасар его сын), можно также только догадываться; дело было, повидимому, так: ему из источника были известны два Михаила: Михаил II Травл-Шепелявый (820—829) и Михаил III (842—867) и между ними Феofil (829—842), устроитель «золотого дерева», но вместе с тем сопоставляемый с библейским Валтасаром;² создавая образ благочестивого царя Михаила (как и в первой Повести) и наделяя его положительными чертами, составитель в числе других качеств

¹ Каково было заглавие подлинника, сказать точно затруднительно: судя по заглавию в Тих., можн предполагать, что оно было обширнее, нежели в Унд., склонном, как мы видели, к сокращениям; оч нь вероятно, что имя Михаила было в подлинном заглавии: оно есть и в Тих. и в Унд.; этим, вероятно, следует объяснять одинаковость заглавий обеих повестей в сп. Унд.

² В источниках: «По Михаилѣ же (т. е. Травле) царствова Феофилъ сынъ его, новый Валтасаръ и богостудный...» (Амартол; В. М. Истрин, указ. изд., стр. 501); то же в русском Хронографе: «По Михаиле же царствова сынъ его Феофилъ лѣтъ 12 и мѣсяца 3, новый Валтасаръ и богу мерзский...» (ПСРЛ; XXII, 337); то же и в Еллинском летописце (б. Моск. Патр. библ. № 86, л. 548). У Михаила III, убитого Василием Македонянином, как известно, детей не было.

приписал ему обладание «золотым деревом» (согласно с хрониками), но не мог разумеется, говорить о гибели этого дерева по вине того же царя: оно могло погибнуть только после Михаила; тут то, кажется, и явилась мысль приписать эту гибель диковинки его преемнику, но таким не мог явиться Василий Македонянин, по хроникам ничего общего не имеющий с убитым им Михаилом III, как раз отличавшимся теми недостатками, которые привели к гибели «золотое дерево», по рассказу тех же хроник; имя же Михаила, только что изображенного благочестивым, также — не годилось для царя-пьяницы, с убившего диковинку: тут-то на выручку и явилось сопоставление также византийского царя с библейским Валтасаром, похожим отчасти на нечестивого царя-пьяницу.¹ Его он и делает преемником благочестивого своего Михаила, наделивши чертами исторического Михаила III хроник и изменивши слегка имя Валтасара, как слишком хорошо известное из библейской истории, и взявши судьбу библейского Валтасара в качестве материала для рассказа о судьбе царя, погубившего «золотое дерево». Таков приблизительно мог быть путь составителя Повести, главным центром которой было, повидимому, золотое дерево с говорящими на нем птицами.² Если высказанное предположение о процессе сложения повести представляется вероятным, то оно даст новое подтверждение отмеченному выше, при анализе первой повести, наблюдению о свободном отношении составителей этого типа повестей XVII в. к своим источникам. Принявши же сделанное наблюдение, мы будем в состоянии уяснить себе и другие подробности в нашей Повести.

Что касается основного источника Повести, то он, повидимому, был у составителя иной на этот раз, нежели для первой: тех мелких точек соприкосновения рассказа с Амртолом, которые были отмечены выше для первой Повести, здесь подметить не удалось; первый же, главный, из основ-

¹ Он, ведь, в библейском рассказе изображен пирующим, при том еще пьющим из церковных сосудов византийский Михаил хроник пропускает все, что можно, в том числе и утварь, отобранную в церквях.

² Почему он не назвал наследника своего благочестивого Михаила Феофилом (также бывшим сыном Михаила, но иного — Травла), можно только догадываться: Феофил, ведь, был по хроникам создателем диковинного дерева (что было известно и составителю Повести), и называть тем же именем царя, погубившего, при том так позорно, это дерево, конечно он находил неудобным, а тут к его услугам было сопоставление Феофила с Валтасаром, напомнившим ему царя-пьяницу. Так, смешавши воедино имена Михайлов, Феофила и Валтасара и почерпнуть о них сведения, составитель из этой смеси вылепил свой образ и как благочестивого царя, так и царя-пьяницы. Что центром его внимания было именно «золотое дерево» с говорящей птицей, показывает самое содержание Повести и заглавие ее в списке Тихонравова, где это дерево и попугай поставлены на первом месте, и где, быть может, воспроизводит я заглавие подлинника.

ных сюжетов Повести — «о золотом древе» — из Амартола объяснения не получает: у него рассказа о «золотом древе» вовсе нет, а есть он у Зонары (Starine, XIV, 135 = Унд. 1191, л. 302 об.; 305 об.)¹ и отсюда в Хронографе русской редакции 1512 г. (ПСРЛ, XXII, 338, 342, 349). Не находим у Амартола и эпизода о попугае, прототип коего однако есть у Зонары (Starine, XIV, 150) и в том же Хронографе (ПСРЛ, XXII, 252 — из Зонары же). Какая же из этих двух хроник, Зонары или русский Хронограф была знакома автору Повести, решить помогут опять мелкие отличия друг от друга этих двух хроник, поскольку эти мелочи нашли себе отражение в тексте нашей повести.²

1. Описание золотого древа. В Повести оно очень кратко: «И бысть у него (ц. Михаила) древо златое, и ветви у того древа златые и серебряные, а на том древе птицы поют различными гласы» (Унд.)³. У Зонары описания древа не находим, находим только упоминание вскользь по поводу расточительности Михаила: «повелѣ (Михаил), и разварише въ грѣнилѣ дубъ златыи, нареченыи Платонь, егоже художы сътворише бѣху» (Унд. 1191, л. 305 об. = Starine, XIV, 135). В Хронографе же находим такие описания даже дважды: в царствовании Феофила и в рассказе о расточительности Михаила:

Створи же (Феофил)... и златая дрe-
веса, на нихже птица пѣснивыя зла-
токованіи сѣдяху яко на вѣтвехъ
тополных, сирѣчь древесныхъ, или
пѣвгохъ островерхихъ, хитростію
издающе песни медовныя (стр. 338).⁴

даст (Михаил) на разорение... и до-
брокованную златую тополу, сирѣчь
древо, на немже сѣдяху многораз-
личныя птица златыя и пѣсни воз-
глашаху, яко отъ жива языка и
слышащим их удивленіе творяху
(стр. 349).

Но, вместе с тем, у Зонары находим любопытный намек, отсутствующий в Хронографе, но, быть может, использованный (по какому-либо особому списку Хронографа?) составителем Повести: сказавши о золотом древе и прочих драгоценностях, расплавленных Михаилом (см. приведенную выше

¹ Единственный из известных русских, но списанных с сербского, текстов полного Зонары; список XVII ст.

² Приходится говорить лишь о мелких отличиях, так как сходные по содержанию в общем места в обоих совпадают: Хронограф, как известно, пользовался той же хроникой Зонары в качестве источника, заимствуя отсюда целые пассажи.

³ Или: «У него древо златое, на том дрѣве птицы златые и серебряные, велми украшены, поют различными гласы» — Тих.

⁴ Взято из хроники Манассии (см. издание И. Богдана, стр. 104).

цитату), Зонара добавляет: «имѣше бо сіа вьса отьць Михайловъ Теофиль, и вьнѣгда прихождаху посланьници иноплѣмничьсци, зреще сіа дивляхусе» (Starine, XIV, 135); это место могло дать повод составителю Повести набросать целую картинку прихода иноземных послов к Михаилу, чтобы посмотреть на диковинку и попытаться ее приобрести. Такого рода прием — развитие намека в целый образ или сюжет — мы видели уже в первой Повести.

II. Эпизод с попугаем дан в Повести, как один из двух, к мотиву предсказания Лавтасару о грозящей ему смерти; внешним образом он соединен с рассказом об уничтожении золотого дерева: понравившийся ему мотив о попугае, найденный им в источнике, хотя и в ином окружении, составитель Повести, чтобы им воспользоваться в связи с первой половиной своего рассказа, должен был от себя осложнить новой деталью в рассказе об уничтожении дерева, будто одна из веток этого дерева, на которой сделан был сидящим золотой попугай, уцелела от уничтожения и находилась в палате, где пировал Лавтасар. Самый же мотив о попугае, как говорящей птице, найден им в том же Хронографе, недалеко от места, где говорилось о расточительности Михаила III, — в рассказе про царствование Василия Македонянина:¹ раздраженный на сына своего Льва по проискам и доносу (впрочем, ложному) некоего Сантаварина, Василий приказывает заключить сына в темницу: «в день праздника его (т. е. Илии прор.), обѣдающе ему (Василию) со князи своими, в храмѣ же томѣ висяще птищъ, нарицаемый пс(и)такъ — нѣци же его папега глаголють — подобить же ся глазомъ своимъ всякому глаголу, иже услышити от человекѣа. И услыша тогда человекѣа, вѣѣ плающа и глаголюща. «Леому, Леому», начать и сей ясно и чисто глаголати: «Леонъ, Леонъ!». Князья и бояре, услыхавши эти слова, начинают просить Василия о прощении сына: царь прощает (ПСРЛ, XXII, 352). Связать же мотив о попугае с мотивом о золотом дереве, в частности с золотыми птицами на нем могли навести на мысль слова Хронографа об этих птицах: «птица... пѣсни възглашаху яко от жива языка», т. е. подобно попугаю выговаривали слова. Таким образом, привыкнув непринужденно обращаться с материалом своего источника, составитель Повести и в данном случае, истолковав найденное в нем в смысле мотива о говорящей птице, приспособил этот мотив для усиления эффекта предсказания о грозящей Лавтасару гибели, предпослав пророчеству на «подволоке» (взятому из истории Валтасара) еще предсказание от говорящей птицы, построенное на материале из Хронографа.

¹ Здесь рассказ идет из Зонары (ср. Starine, XIV, 150); у Амартола эпизод отсутствует.

III. Характеристика Лавтасара перенесена в значительной мере с образа Михаила Хронографа на образ библейского Валтасара, а с него на Лавтасара. Данная ему в Повести характеристика («бысть пьющъ велми, всю царскую казну пропил... сосуды серебряные из церквей поимал, все пропил...») вполне покрывается материалом, представляемым Хронографом: «сокровища... именіам истощевахуся... сего ради убо не довляху жилы златыя, сирѣчь сокровища царская... тѣм же и златоконанныя украшенія древних царей и дрѣвеса златая и птица пѣснивыя и лвове кованіи въ златѣ устроени и все, спроста, сѣяющее в царскомѣ дворѣ, яже иногда Феофилъ содѣла любочестнѣ в похвалу грекомѣ, разливахуся и злѣ истощевахуся на проходы гнусны...» (стр. 342). Составитель Повести подчеркнул эту характеристику еще тем, что дал ее и вторично почти в тех же выражениях, что и выше, связав ее с обличительным словом прор. Даниила. Может быть, здесь на составителя Повести оказал влияние и рассказ библейский о Валтасаре: отсюда, быть может, идет деталь — сообщение об ограблении сосудов из церквей, так как в Хронографе об этом нет речи в этом месте, но найдем указание на это в 86-й главе Хронографа, именно, в рассказе о Валтасаре (см. там стр. 171).

IV. Дарий Мидянин — убийца Лавтасара. В таком качестве Дарий легко мог быть представлен по указанию того же Хронографа, где в гл. 87 читается: «Дарий Мидский сѣкнѣся с Валтасаром и уби его божіимъ гнѣвомъ» (стр. 171).¹ Откуда же взяты подробности об убийении Лавтасара, как они рассказаны в Повести, установить мне не удалось: в известных мне хрониках и в русском Хронографе их не нашлось.

Исходя из сделанных сопоставлений, можно, кажется, отдать предпочтение русскому Хронографу, как вероятному источнику сведений, послуживших материалом для Повести; и это представляется тем более вероятным, что Хронограф как в редакции 1512 г., так и в других в XVII в. был самой популярной исторической компиляцией в русской письменности, тогда как Зонара и Амартол (не говоря уж о Манассии), особенно первый, не были распространенным чтением. Отдельные точки соприкосновения нашей Повести с Зонарой в случаях отсутствия соответствий с Хронографом ред. 1512 г. объясняются, скорее всего, тем, что в распоряжении составителя Повести был список Хронографа, несколько отличный от известного нам изданного и принятых в варианты: в нем заимствования из Зонары могли быть более значительными, нежели в изданном.

¹ Ср. в Еллинском летописце: «Валтасара, царя Вавилоньска, в тоу ношь оуби Даріи Мидянинъ» (по Чудовск. сп., л. 35).

Что касается приемов творчества составителя разбираемой Повести, то нельзя не заметить, что в общем они очень сходны с теми, какие мы отметили, знакомясь с первой Повестью: и здесь — то же свободное отношение к своему источнику, то же стремление развивать самостоятельно мотив, сюжет или даже намек, поправившиеся в источнике, та же оценка привлекаемых мотивов и сюжетов с точки зрения их занимательности (а не поучительности, как часто видим в старшем периоде повести);¹ внесение «бытовых», реалистических подробностей, хотя и не столь ярких, как в первой Повести, может быть отмечено и во второй: сюда следует отнести указание на «вестовой» («вечный», т. е. вечаевой, в Тих. и ОЛДП; ср. в первой Повести) колокол, которым оповещают жителей Царьграда о чудесных знамениях во дворце; смотреть эти чудеса пускают во дворец жителей «по десяти человек»; сюда же, вероятно, следует отнести самую форму приема иноземных послов, переговоров с ними, напоминающую обычные приемы и речи в статейных списках и при приемах Московского двора;² торговля на «городы и орды» носит по форме пословичный характер, характер «крылатого слова».

Не трудно заметить, сходство и в самом языке и стиле обеих Повестей: и во второй Повести язык также не отличается обилием княжних славянизмов (среди встречающихся так же преобладают неразнообразные глагольные), рядом с довольно значительными элементами живой, народной речи.

В стиле — те же точки соприкосновения со сказочным стилем: составитель особенно охотно пользуется повторениями, напр.: в описании пропойства Лавтасара слово «пропил» повторяется несколько раз подряд; формула: «некоторые волхвы чары на меня нанесоша» также повторяется не раз; отметим также обороты: «цари и короли», «князи, бояря и вельможи»,

¹ Поэтому, кстати будет отметить, что и библейский сюжет о Валтасаре для составителя Повести уже перестал быть связанным с религиозными или дидактическими представлениями: для него — это просто эффектный, интересный материал для одного из мотивов его повествования, такой же, как и другие, вошедшие в его рассказ; никакого особого почтения к нему, как к библейскому, уже нет. Повидимому, этому сюжету о Валтасаре, оцениваемому именно с этой точки зрения («занятности»), особенно посчастливилось в старой письменности среднего периода: помимо отмеченной по рукоп. Вяземского, Забелина и Богданова переделок, нам встретился в рукоп. Погодина (Лгр. Публ. библ.) 1590, конца XVI в. (л. 120), текст о том, как Валтасар видел руку («испещу ис стены»): текст представляет близкую, неискусную переделку IV и V глав книги Даниила с перестановкой частей; по тону она носит еще благочестивый и поучительный характер, что согласно с воззрениями времени написания рукописи. Этот текст еще раз подчеркивает эволюцию, происшедшую во взглядах на литературные мотивы, взятые из религиозной сферы, которая произошла в пол. XVII в. в среде, создавшей Повесть. Такой же характер интересного рассказа представляет изложение истории Валтасара по тексту XVIII в., вписанному в рукоп. № 12, XVII в., собр. б. Тихонравова (л. 185).

² Краткие в Унд., о и подробнее в сп. Тих.

последовательно повторяющиеся в рассказе. И в этой Повести можно заметить следы склонности к ритмичной речи: созидал — поставлял — воздвигал — зиждѣл; веселящеся — тешащеся, повторяющеся «пропил».

Все эти черты второй Повести, сходные или аналогичные с первой, какие удалось извлечь из ее анализа, невольно наталкивают на предположение: не были ли обе повести произведением одного и того же автора, заинтересовавшегося темой о Михаиле и золотом чудесном древе, о которых он узнал из византийско-русских ходячих компиляций своего времени и попытался разработать в двух повестях одного и того же типа, применяясь ко вкусам и поэтике своей среды, которая уже отошла — или, правильнее, отходила — от старых литературных традиций под влиянием самой жизни, уже вырабатывавшей новые взгляды, чтобы перенести их в следующее столетие? Автор принадлежал к определенной группе носителей и любителей литературы из средних, вероятно, городских служилых слоев московского грамотного общества, и позднее несших на себе литературу тех же классов в XVIII в. Представляя несомненный историко-литературный интерес для исследователя русской литературы, повести эти представляют и с методологической стороны интерес: не сложные по композиции, поддающиеся определению со стороны источников, они дают возможность довольно отчетливо наметить складывающуюся поэтику новой русской повести, история которой протекает уже в XVIII в.

ТЕКСТЫ

СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЦАРЕ МИХАИЛЕ.

(по рукоп. Ундольского, 942)

Бысть во Цареграде царь Михаил благочестивъ и славенъ зело во всѣхъ странах. И родился у него конь велми чуденъ и грозенъ, и никто на него не смѣяша сестъ, царь на нем не ѣздиша, в желѣзной конюшне стояще, повинныхъ к нему меташе. И повелѣлъ царь Михаил во Цареграде кличъ кликать: хто б царевъ конь укротил, чтоб могъ ѣздить царь Михаилъ на чюдном и на грозном конѣ? И розошлася вѣсть по всѣмъ градомъ. Слышав же то Московские области извоздникъ нѣкто именем Василей и приде во Царьград и виде царя Михаила к вечерне идуща и воскрича извоздникъ и рече: «Великій царю Михаил, яз грозново коня твоего укрочю, что имешь ты, царь Михаил, ѣздить на грозномъ конѣ!» И слыж(ш)евъ же то, князи и бояра и отбиша ево прочъ и рекоша: «Али в твою пору во Царе-

граде нѣтъ ни в князех ни боярех кому укротить грозново коня!» На утре ж увидевъ извозникъ царя к заутрене идуще, и возопил великим гласом: «Великій царю, аз конь твой излечю, что ты, царь, имешь на конѣ ѣздить». Царь же слышавъ и рече: «Аще так сотворишь, яз тебя учиню вторымъ царемъ во Цареграде и дам тебѣ половину Царяграда и князей и бояр и велмож». Извозникъ же поклонився царю и поиде к желѣзной конюшне, где конь стоит, и, ударивъ кулакомъ по замкомъ, замки всѣ с пробоемъ долой спадоша, и вниде в конюшню и ухватил коня одинова прозаром(?) за ухо, и бысть конь кротокъ и смиренъ, и положилъ на конь узду и оседлал грозново коня и, всед на него, и поехал около Царяграда трожды. И веде коня тиха и кротка и, приѣхавъ на царев двор, воскричал громко: «Великій царю Михаил, чюдной конь твой тихъ и кротокъ и смиренъ. Вели на него положить конской нарядъ». Царь же Михаил со князи и з бояры своими, видеv грозново коня, и много дивовася и повелѣлъ конской наряд положить. Извозникъ же рече: «Великій царю Михаилъ, всяди на грозной свой конь тих и кроток». Царь же всяде на конь и поѣха по царскому своему двору, князи же и бояря и велможи много дивися царскому на конѣ сиденью и чюдного коня течению. Царь же Михаилъ велми радостенъ и веселъ повелѣлъ чюдново коня поставить въ деной кандуле(?), а извознику повелѣлъ подле своего царского двора царский двор устроить, и наркли извозника царемъ, по немнозе времени извозника посадиша на царскомъ престоле и платье царское на него возложиша и венець царской на главу ему возложиша и скипетр царской в руку ему дасть и дасть ему половину князей и бояръ и велмож и половину Царяграда и (заповѣда)¹ всѣмъ ево повелѣлъ слушати. Тогда же извозникъ воцарився² и бысть грозенъ велми, вси князи и бояре, половина Царяграда славят его по всему Царьграду; некоторые князи и бояря и велможи старого царя благочестиваго пришед царю своему рекоша: «Посаженика твоего славят всему Царюграду царем, а тебя, благочестиваго царя, и не слышеть». Царь же Михаил слышавъ и посмеявся и повелѣлъ царя Василья, посаженика своего, к себе на пир звать. На утрии же день оба цари у заутрени и у литоргѣи быша, и, как убо время кушать царю Михаилу, послалъ вѣсть ко царю Василью, а самъ царь Михаилъ сяде на престоле своемъ царскомъ и повелѣлъ многимъ около себя быти княземъ и бояром и велможам. Царь Василей поиде ко царю Михаилу на пир, а с собою не много взяше князей и бояр и вниде в полату, где царь Михаилъ на своемъ на царскомъ престоле сядя; царь же Михаил

¹ Лишнее.

² В рук.: во цари всему.

же воста с мѣста своего противу царя Василья, посаженника своего, и повелѣлъ царю Василью с ноги башмакъ сняти и опять на ногу свою возложить. Царь же Василей рече: «Не подобает царю царя розувать и обувать, царь царю по достойянию честь воздает». Царь же Михаил рече: «Аще не снимеш башмакъ и опять не возложишь, велю тебя казнить». Царь Василей не могъ ничемъ отнятьца и сотворилъ ухищрение — снял башмакъ с ноги и опять положил, царь же Михаил встал, всѣлъ с престола своего царского и сяде за столъ кушать. Царь же Василей ишед в свои хоромы, за столъ ко царю Михаилу не пошел и, пришед во свои хоромы, началъ велми сердитовать, аки левъ ревуще, и повелѣлъ к себѣ всѣмъ своимъ княземъ и бояромъ быть тотчас. Князи и бояря съѣхашеся, царь же Василей началъ имъ жаловатца: «Князи и бояря и вси велможи! царь Михаилъ зазвалъ меня к себѣ на пир, яз к нему пришел, и онъ меня заставилъ себя розувать и обувать и меня тѣмъ обесчестилъ. И вы мнѣ придумайте, какъ мнѣ отомстить царю Михаилу позоръ свой». Князи же и бояря и вси велможи рекоша: Великій царю Василей! подобаетъ тотъ позоръ отомстить: единому живу быти, а другому мертву. Царь же Василей слышавъ повелѣлъ к себѣ быть от мала и до велика в третьемъ часу ночи всѣмъ вооруженнымъ. День проиде, бысть ночь. Царь Михаил ляже опочивать, а князи и бояря вси поѣхаша кождо по себѣ. И бысть третей часъ ночи, ко царю Василью съѣхашеся, царь же Василей вооружаясь поиде на царя Михаила, ко вратомъ царскимъ прииде, пятьсотъ стрелцовъ побил, на дворъ вниде, а на крыльце и в сѣняхъ болши пятисотъ побил и прииде гдѣ дверямъ полаты, царевы и выломилъ двери и вниде в полату, гдѣ царь Михаилъ почивает, и прииде ко царю Михаилу и, вынявъ мѣчь свой, и хотѣлъ царю Михаилу главу отсѣчь; а царь Михаилъ опочивает, а руцы его на выми (выи?). Царь же Василей тялъ мечемъ и отсѣче обѣ руцѣ. Царь же Михаилъ проспавъ от сна и рече: «Царь Василей! судить тебя богъ со мною, что ты мнѣ за добро зломъ воздал!» Царь же Василей ужаснулся и побежалъ ис полаты вонъ, изменники же царя Михайловы возвратиша царя Василия и рекоша ему: «Царю Василей! аще ево ныне не докончаешь, утре тобѣ тою ж самому смертию умереть». Царь же Василей возвративъ в полату и отсекалъ царю Михаилу главу и повелѣлъ ево тое ж ночи похоронить по достойянию по царскіи, бутто своею смертию умер. А на утрѣи ж день повелѣлъ столбъ высокъ сотворить и повелѣлъ в вѣчный колоколъ звонять, чтобы к столбу все цареградскіи князи и бояре съѣхались. Тотъ же часъ съѣхались всѣ, царь же Василей вниде на столбъ и нача велегласно говорить: «Князи и бояря и вси цареградскіи мужи! царь Михаилъ царствовалъ во Цареграде единыи

много лѣтъ, а меня сотворил над половиною Царемъ городом,¹ а самъ царствовалъ надъ другою половиною. А ныне царь Михайло преставился, и яз его похоронилъ чесно. И вы кого выбираете на другую половину во цари?» Князи ж и бояря и вся цареградцкие мужи рекоша: «Царю Василей! Коли царь Михайлъ преставился, кому другому быть? Ты единъ царь буди надо всѣмъ Царемъградомъ царь и всему». И всему Царюграду прославиша царя Василья царемъ. Царь же Василей извозьдникъ всѣмъ Царемъградомъ владѣя многое время.

А. СЛОВО О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЦАРЕ МИХАИЛЕ.

(по рукоп. Ундольского, 943).

Бысть во Цареграде царь Михаилъ благочестивъ и богобоязлив, великъ былъ к богу подвиженъ: святая святыхъ созидал, сосуды золотые и серебряные по церкви поставлял, церкви пресвященныя воздвизал и монастыри строил и грады зиждалъ. И бысть у него древо золотое, и ветви у того древа золотые и серебряные, а на томъ древе птицы поютъ различными гласы. Слышевъ же многие цари и короли про то золотое древо, и посылаху пословъ своихъ во Царьградъ з дары бесчисленными ко царю Михаилу благочестивому и прошаху у него, чтобы далъ древа златова посмотреть. И послы придоша во Царьградъ и поклонишася благочестивому царю Михаилу и дары подаша и прошаху у царя древа посмотреть. Благочестивый же царь Михаилъ велѣлъ дары принять, а посломъ повелѣлъ древа посмотреть. И послы же, видя древо, и дивяся много и поклонишася царю и пойдоша во свою землю ко царемъ и королевемъ своимъ и пришедъ все по ряду повѣдоша. Цари ж и короли, слышавъ отъ пословъ своихъ про золотое древо и много дивяся и умысливъ, совѣтъ сотвориша, хотяху у царя Михаила древо золотое отставить. И отрядиша иныхъ пословъ своихъ и послаша во Царьградъ и повелѣлъ(-и) давать за золотое древо города и именья многа. Послы же придоша во Царьградъ з дары и поклонишася царю Михаилу и рекоша: «Великій царю Михаилъ, цари наши и короли насъ прислали къ тебѣ, великому царю, а велѣли тебѣ говорить и у тебя просить древа златова, а велѣли тебѣ царю давать много городовъ и имѣнья много». Благочестивый же царь Михаилъ велѣлъ дары принять, а посломъ повелѣлъ древа смотрить, а на города и на имѣнья древа златова не отдал. И рече царь Михаилъ посломъ: «Рките царемъ своимъ и королевемъ: цареградскій великій царь Михаилъ велѣлъ вамъ говорить: за что царю Михаилу золотое древо отдать на города

¹ Следует: «царемъ надъ половиною Царягорода».

и на имения? во Цареграде древомъ златымъ царь славенъ, зело изобиленъ во всемъ однеи дарами». Послы же поклонившася царю Михаилу и поидоша во свою землю ко царемъ своимъ и королемъ и сказаша все по ряду, что царь Михаил приказал. Цари же много дивяся. По мнозе ж времени благочестивый царь Михаил преставися от царствия своего, и на ево мѣсто во Цареграде сяде на царство царь Левтасар. И бысть пьющъ велми, всю царскую казну пропил, с цареградцких и князей и бояр много казны взял, все то пропил, церкви пресвещенные разграбилъ, сосуды серебряные из церквей поимал, все пропилъ, монастыри разграбилъ; да уже нѣчево ему пропить, дограбився до златова древа и все древо златое розламал и все то пропил. И некоторого вечера веселящеся со князи и бояры пьюще и тѣшася велми, и слышавъ, что древа златова одна ветвь, а на той ветви золотой попугай говорит человѣческимъ голосомъ, что сей де ноци царю Левтасару напрасною смертию умереть. Царь же Левтасар рече: «Князи и бояре, слышите, что золотой попугай говорить»? Князи же и бояря рече: «Великій царю Левтасар, слышимъ». Царь же Левтасар, возревъ на подволоку, и виде много множество на подволоке рукъ человѣческихъ пишуща, а лиц не видить. И велми царь Левтасар ужаснуса и рече. «Князи мои и бояря, видите л, что на подволоке руцѣ человѣческіи пишут, а лиц не видеть: некоторые волхвы чары на меня нанесоша». И повелѣлъ в вестовой колокол звонить и проповѣдникомъ повелѣлъ по улицамъ ѣздить, чтоб все князи и бояря и велмужи ѣхали на царев двор велия чюда смотреть. Тот же час съѣхашеся весь град на царевъ двор и начаша ходити смотреть чюда в полату по десяти человѣк; руки же не бояшеся никого, пишуща харатби, из руки в руку подающе, аки буря великая шумяше от харатей в полате. И рече царь Левтасар: «Князи и бояря и все мужи градцкіи, что у меня в полате велие чюдо учинилос: некоторые волхвы чары на меня нанесоша». Князи ж и бояря вси рекоша: «Великіи царю Левтасару, то намъ не свѣдома, а свѣдома то чюдо Данилу пророку. Данил пророк живет в монастыри от Царяграда шестидесят поприц». Царь же Левтасар повелѣлъ послать тотчас по Данила пророка. Посланник же к Данилу пророку приеде и з Даниломъ пророкомъ стал во Цареграде у царя в полате во многовения ока. И сказаша царю про Данила пророка, царь же встретилъ среди полаты пророка Данила и рече Данилу пророку, «что в полате у меня велие чюдо явися; некоторые волхвы чары нанесоша». Данил же пророкъ виде, ангельские руцѣ пишутъ, и бысть трепетенъ велми. Пророк же Данил рече: «Великіи царю, не волхвы чары нанесоша на тебя, — то пишутъ ангельские руцѣ действо твое, царю, что ты царскую казну пропил, святая

святых разорил, сосуды церковные золотые и серебряные все из церквей поимал, то все пропил, монастыри розграбил, бояр и всяких людей ограбилъ, то все пропил, и золотое древо все то пропил: Царьград да и вы, цари, во Цареграде ото всѣхъ царей и королей з древомъ золотымъ чесны и славны были, и весь Царьград изобилень был древомъ золотымъ. Сей тебѣ нощи напрасною смертью умереть». Царь же Левтасар со гнѣвомъ повелѣлъ Данила пророка посадить в темницу, а самъ повелѣлъ себя стеречи всему царству, чтоб к нему смерть не пришла. И начал он в полате своей единъ пребывать, толко с ним Дарей Менденис. И дасть ему копье свое и приказал ему никою к себѣ в полату не велѣлъ пущать: «хто станет царскимъ имянемъ пролыгатца, убей ево, не вѣрь ему». И повелѣлъ ему у дверей стоять, а самъ царь Левтасар опочива(е)т и уснул три часы и проснулся от сна и посмотрил в окошко на двор и виде на дворе огненное пламя, оружное блистание человѣческое и говор, и воста поиде ис полаты сторожи смотреть. И увидеша царя вси с трепетом. И походил по двору и виде, крѣпко стерегут, и рече: «Как хочет смерть проитить ко мнѣ через такую крѣпкую сторожу?» И вниде в полату свою и ляже опочивати и заснул шесть часов. И будет девятой час и проснулся от сна и поиде ис полаты сторожи смотреть и виде, крѣпко стерегут, а Дари Менденис не слышал, как царь ис полаты вышелъ. Царь же Левтасар походил по двору и пошел в полату свою, царь отворил дверей, хотел войти, Дарей же Менденинъ вспрынул с копьемъ и скочил ко дверем и рече: «Ты, смерть, почто идешь сюды?» Царь же рече: «Дарей, не убей! Яз царь Левтасар». Дарей же рече: «Не царь ты, смерть, — пролыгаешься царскимъ имянемъ!» И ударилъ его копьемъ и прободе его навскос. Царь пал мертвъ. Дарей же посмотривъ на царской постеле царя, и (не) наиде и посмотрилъ у дверей и виде мертва царя и бысть в великой кручине. И бысть же утру солнце настало, востече велми рано, а Царьград во тме совлеченъ царскою кровью. Князи же и бояря поутру пошли ко царю здравствовать: дай бог здрав был за нашею сторожею, и внидоша в сени и увидеша царя мертва, и ужаснувся весь Царьград. И рече к Дарию: «Что есть великое чюдо учинилось?» Дарей же Менденинъ все по ряду рассказал, как царь приказал, князи же и бояря и все граждания рекоша: «Богъ так изволил, что хочеть, такъ творить». Царя же по достоянню погребли чесно поцарски, а Дария сказнили и рѣкоша: «Все-проклять тот, хто государской убища».

Б. СКАЗАНИЕ О ДРЪВЕ ЗЛАТОМЪ И О ЗАЛАТОМ ПОПУГАЕ І О ЦАРЬ МИХАИЛЕ
ДА О ЦАРЬ ЛЪВКАСОРЪ.

(по рукоп. Тихонравова, 238)

Бысть во Царѣградѣ царь Михаила благочестны и богабоязливъ и велми был к богу подвиженъ, славою и величеством был превыше многих и великих царѣ(й), святая святыхъ созиждал церкви преосвещенныя, и сосуды церковныя златыя вси и серебряныя в церквахъ поставлял, монастыри созиждал, грады строил. У него древо златое, на том дрѣве птицы златыя и серебряныя, велми украшены, поютъ различными гласы. Имея бѣчисленно много злата и сребра у благочестиваго царя Михаила, изобилен Царьград в немъ великъ и славенъ (л. 93) зело. Во многи царства слышать про то златое древо: цари и короли отпущали пословъ своихъ во Царьград з дары великими и повелеша посломъ своимъ у царя Михаила дрѣво златое посмотри(ь). Послы шь пришетъ во Царьград, поклонишася благочестивому царю Михаилу, и дары держаще пред нимъ, и прошаху царя древо посмотри(ь), чтобы имъ въ своихъ сръствахъ (sic) такое древо учинить. Благочестивы ж царь Михаила повеле у пословъ дары принять, а послам д(р)ево з(л)атое смотрит(ь). Послы же, видевше древо златое, много дивишася и поклонишася царю и поидоша во свою землю, и пришедше¹ к царѣмъ своимъ и королемъ, поведаша про златое дрѣво. Царі же и короли, слышавше от пословъ своихъ, много дивишася и отрядиша во Царьград своихъ пословъ иныхъ (л. 93 об.) з дары с великими и повеле(ша) посломъ у царя Михаила дрѣво златое торговат(ь) на городаы и на орды и на злато и на серебро. Послы же, пришетше во Царьград, поклонишася царю Михаилу, и дары держаще пред ним, и прошаху у царя древо златое на городаы и на орды и на злато и на серебро. Благочестивы жа царь Михаила повеле у пословъ дары принят(ь), а посломъ повеле древо златое смотрит(ь), а на городаы и на орды и на злато и на серебро древа златаго не отдат(ь) и повеле послы отпустит(ь), и на походе имъ рече царь: «послы, скажите вы царемъ своимъ и королемъ, что они, себя ставя разумными, а меня они ставятъ несмысленнымъ, торговать они (хотят) у меня древо златое на городаы и на орды и на злато и на серебро; а я древомъ златымъ честенъ ото всехъ вас от царей и от королев, и у меня Царьград и обилен и богат зело древом златым, а они мнѣ дают (л. 94) злато и серебро, городаы и орды, а они и сами мои все с теми царствы,

¹ В рукоп. дважды.

в которыхъ ани царствуютъ». И се рекъ отпустить. Послы же поклонившася царю Михаилу и поидоша во свою землю и, пришет к царем своимъ и королемъ, поведаша про златое древо все по ряду и приказное цареве слово сказаша. Цари же и короли, слышавше от пословъ своихъ, много дивившася, но ничтоже учиниши.

|| По немозем же времени благочестивый царь Михаила преставися от царства своего, и на ево места во Царѣграде селъ на царство царь Левкасоръ. И бысть пьющ велми, царскую казну всю пропил, с князей и велможъ и с царегратскихъ мужей казны взял, все пропил, святая святыхъ разорил, сасуды церковныя побрал, все пропил, и златое древо разламал, (в)се пропил, уже отна (sic) ветвь осталася златаго древа, на златой (л. 94 об.) ветви залатой попугай. Говорит (попугай) человѣческимъ языкомъ: «сие тебѣ ноци умеретъ(ь) напрасною смертию». Царь же Левтасар слыша рече: «князи и бояре и велможи, слышете ли, что золотой попугай говоритъ человѣческимъ языкомъ? Одно сие в нем нечистый духъ вселился». И возре на подволоку и виде подволоку полну руку (sic) человѣческихъ — пишут, а лицъ ихъ не видетъ(ь). И рече царь Левтасор: «князи и бояре и велможи, а сие чюдо на подволоце. Однолично аз мню: волхвы на меня чары нанесоша — портитъ(ь) меня хотятъ». Князи же и бояре и велможи вси рекоша: «богу тако изволившу», и пересташа веселитися и рекоша: «великий царю Левтасоре! вели, царю, в вечный колоколъ звонить и проповѣдникомъ по улицамъ ездитъ(ь), чтобы вси князи и бояря и велможи и вси царѣградския мужи шли и ехали на царевъ дворъ велие чюдо смотритъ(ь)». В тот часъ вси князи и бояре и велможи и вси царѣградские мужи съехали и видеше (л. 95) великое чюдо и рекоша: «великий царю Левтасорѣ, то велие чюдо намъ не вестимо, а ведомо то велие чюдо Даниле пророку, а живетъ в монастыре, а отседе 17 поприщъ». Царь же Левтасор тотчасъ посланника¹ посла в монастырь к Даниле пророку, и тотчасъ из монастыря его взял и з Даниломъ пророкомъ в полату сталъ пре(д) царемъ. Царь же Левтасор рече: «Донило пророкъ, повеждь ми, что у меня в полате такое чюдо? Однолично аз мню, что в попугая нечистый духъ вселился; а на подволоце руже человѣчески пишут, а лицъ ихъ не видетъ, — а я мну (sic) одно: сие волхвы на меня чары нанесоша — портитъ(ь) меня хотятъ». Данила ж пророкъ рече: «великий царю Левтасорѣ, не волхвы на тебя чары нанесоша: то, царю, пишутъ ангели святии рущѣ действие твое, что ты, царю, во Царѣграде на царстве сидиши, а не по царски и (л. 95 об.)

¹ В рукоп. — посланника.

чинишь — бѣз времени пьешь, царскую казну всю пропил, с князеи и з бояр и з градских мужей много казны взял, все пропил, святая святых разорил, сосуды церковныя златыя и церковныя припасы взял, все пропил. Сию тебѣ ночь умерѣть напрасною смертию». Царь же Левтасор со гневом на Данила пророка и повеле в темницу посадить, а себѣ повеле всему граду стерещи со оружиемъ, а самъ царь начат в полате единъ пребыват(ь), толко с ним ближние люди властеличным(sic) Дарей Мелденинъ. И заповеда ему царь у дверей стоять и повелѣ его к себѣ никаго пушат(ь), ни князя, ни боярина, и даде ему свое копие и заповеда убит(ь), аще кто станет царским именем пролыгаться: «и ты не вер(ь), убѣй его!» И ляже царь опочиват(ь) и, уснувъ три часа и воспрянувъ от сна, и посмотри оконце и виде огненное пламя и оружное блистание (л. 96) и поиде ис полаты сторожи смотреть. И похотивъ царь и видѣ крѣпко сторожу и вниде в полату и ляже опочиват(ь). А Дарей Мелденикъ видел, как царь ходил и вниде в полату. И усну царь 4 часа и воста от сна, посиде и поиде вон сторожи смотрит(ь), а Дарей Мелденикъ не видалъ, как царь вышел и ходил. Царь же рек; «уже заря утренная занимаетца». И рече царь: «Даниле пророку самому бы тою смертию умереть, что рекъ: уже ночь проходит, день настает». И поиде въ верхъ, отвори двери полаты своя и похоте внити в пол(а)ту: Дарей жѣ Мелденикъ уснул бѣше о копие опершиш и очутився от сна своего, скочи ко дверем с копием и рече: «ты, смерть, почто идешь?» Царь же рече: «Дарей, не убѣй меня: аз — царь!» Дарей же рече: «не царь ты — смерть! пролыгаешься царским именем!» и удари (л. 96 об.) его в рѣбро и прободе его. Паде царь мертвъ на землю. И посмотривъ царя на постеле, и не обрете и бысть въ великой печали и вне ума. Уже солнцу восходящу князи же и бояря и велможи поидоша к царю челом ударит(ь), чающе царя здрава; и приидоша ко дверемъ полаты и видеша царя мертва, и бысть во ужасе велицем и рекоша: «Дарей, что такое незгодие учинися на(д) царем?» И сказа все по ряду: «царь мне приказал к себѣ никого (не) пушат(ь), и я впервые слышал, как царь ходил, а в другореть не слышал, как царь вышел ис полаты, и я чаял: смерть пришла, и уби его». Князи же и бояря и велможи вси рекоша: «богу тако изволившу, как богъ восхотель, так и сотворил». И похраниша царя честно, а Дария Мелденика казниша, а Данила пророка ис темницы проводиша¹ в монастырь. Пророчество Данила пророка первое, нынѣ и присно и во веки вековъ. Аминь.

¹ В рукоп. — дважды.

В. ГЛАВА 10. О ЦАРЕ ВАЛТАСАРЕ ВАВИЛОНСКОМ.

(по рукоп. собр. Вяземского, № XVII)

Царь Валтасаръ Вавилонскій взялъ сосуды церковныи, потиръ да блюдо, и нача з блюда маса ясти, а с потира нача пити и веселитися. Во едину же ноцъ видѣ царь Валтасаръ во сне ангела (хотяща?) его ударити скипетромъ, онъ же убудився от сна и воставъ, посла же по вся велможи своя и сказа имъ сонъ свой; они же отвеща ему: «Мы, царю, видения сего не слышали; есть у насъ в Вавилоне граде пророкъ Даниль в пещере: того вопроси». И посла царь Валтасаръ по пророка Данила, и прииде Даниль ко царю Валтасару, и сказа царь видение свое. И рече ему пророкъ Даниль: «Въ сие ноци тебе, царю, убиенному быти того ради, что ты пилъ и елъ изъ сосудовъ церковныхъ, понеже на потире пишется: самъ господь закалаемъ бываетъ и кровь свою претвори в вино, источи в потиръ и тело свое разъдроби на блюдо и преврати въ хлебъ; а ты, царю, с техъ сосудовъ ешь и пьешь, и для того дела в сей ноци убиенну тебе быти». Царь же постави себе стражи около всего града и по всему двору и пред полатою у себя верных удалцов 30 человекъ и приказалъ всемъ имъ крепко, чтобы отнюдь никого нигде не пускать; еще жъ рече имъ царь: «Аще ли вамъ кто станетъ царемъ называтся, а вы его не слушайте, ссеките его». А самъ царь в полате своей заперся. И нача стражи стрѣщи часа своего, и к утру възгласившу, царь Валтасаръ и выде ис полаты своея и виде стражей всех спящихъ, болшему стражу своему наступилъ на ногу; онъ же убудився и вскочи, нача сеци царя мечем. И рече имъ царь: «Не секите — азъ вашъ царь!» И рече ему стражъ его: «Не облыгайся царемъ! Нашъ царь приказалъ накрепко: кто станетъ хотя царемъ назватся, повелель съсечь его». И сим царь скончался (л. 394, стлб. 1—3).